

Своё появление на свет Божий тёмным утром девятого января 1933 года, в понедельник, вижу с не меньшей ясностью, чем события дня сегодняшнего...

Место действия: избушка на курьих лапках, под соломенной крышей, для надёжности прихлопнутой снежной шапкой до макушки трубы, в спящей русской деревеньке Букени — в Мамадышском районе советской Татарии. Лампадка перед иконой Христа в правом углу единственной комнаты, площадью метров в десять-двенадцать, рассеивает в душном пространстве призрачный свет. Изба хорошо натоплена, и спёртый воздух насыщен густой смесью запахов керосина — от прикрученной лампы с закопчённым стеклом, водяного пара — от нагретого в печи чугуна, лампадного масла, ведра у двери — для малой нужды.

А на полу, на подстилке из соломы, уже третьи сутки стонет и вскрикивает от невыносимой боли моя

тридцатипятилетняя мама. Это её четвёртые роды — самые тяжёлые. Повитуха Еня Карпина, в свободное от родовспоможения время — признанная деревней гадалка на чёрных бобах и на картах за то, что принесут, — яйца, блины, крендель, ватрушку, — причитает, что всему виной моя большая голова. Уже третьи сутки мой череп сопротивляется выходу из материнского ложа, инстинктивно осознавая, что ничего хорошего её обладателю в колхозной бытности не предвидится.

За появлением в семье нового рта с полатаей тайком наблюдают мои сёстры — пятнадцатилетняя Наташа и десятилетняя Манька, а с печки — тринадцатилетний брат Кирилл. Они уже наслышались от деревенских баб и вторящих им пацанов и девчонок, что скоро семья Матвеевых пополнится выблядком-подкрапивником — сестрёнкой или братишкой — от Симана, белоглазого альбиноса Васьки Симонова, прославленного балагура, выпивохи и кобеля. Мужика женатого, но бездетного, склонного к оплодотворению всех девок и баб, кто поддаётся чарам неутомимого самца — в условиях острого дефицита мужиков, выбитых Первой мировой и Гражданской войнами.

За столь грубое предсказание, оскорбление мамы и не рождённого дитяти мой бесстрашный и быстрый на руку, голодный, но гордый братишка Кирилл — защитник чести и достоинства любимой мамы — уже начистил рожу и прочие места — кулаками или опасными для жизни предметами — не одному односельчанину. Независимо от их возраста и общественного статуса. После того, как Киря, в летние каникулы состоявший свинопасом колхозного стада, едва не застрелил из берданки своего учителя на пороге школы, унизившего не отличавшегося прилежностью ученика каким-то неосторожным словом или действием, отчаянного пастушонка стала бояться вся деревня из ста восьмидесяти дворов. От покойного отца-белоруса Кирилл унаследовал недюжинную силу и отчаянную смелость. А уцелевший учитель правильно оценил обстановку, не стал жаловаться в суд — просто отказался от дальнейшего обучения террориста-народовольца и попросил районо о переводе в школу

другого населённого пункта — как можно дальше от Букеней.

Утром, ещё до рассвета, — точное время установить невозможно, поскольку в доме отродясь часов не водилось, — Наташкины комсомольские нервы не выдержали материнских стонов и криков. Спрыгнув с полатей и накинув на плечи чью-

Суворовец Шура Матвейчев с мамой Евдокией Ивановной. 1946 год

то овчинную шубейку, она выбежала на улицу и помчалась по деревне с истерическим воплем: «Спасите, помогите! Мама, наша мамка умирает!..»

Только вряд ли Наташку кто-то услышал: взрослые колхозники в эти крещенские дни отсыпались под воздействием религиозных чувств и самогона. А дети — от святочного хождения по дворам с пением молитвы «Рождество, Христе Боже наш...» с целью получения мзды — кулича или чего-нибудь попроще. На крик голосистой Наташки отозвались в тёмном морозном пространстве разве что недовольным лаем собаки да мычанием разбуженные коровы, равнодушно приостановив жвачку.

Однако и я, произведя первый вздох родными ароматами безотчего дома, наконец-то издал громогласный призыв к свободе и справедливости. И мама — благодарение Богу Отцу, Его Сыну и Святому Духу! — осталась живой и не очень повреждённой, судя хотя бы по тому, как я не отрывался от её груди в течение последующих двух с половиной лет. А девятого января будущего, 2018-го, года, может быть, и отпраздную с читателями и писателями мой восьмидесятипятилетний юбилей.